

Неудержимый порыв захлестнул сердце — это томление, давно жившее в глубине души, наконец-то прорвалось наружу.

Разнообразные детали и инструменты были вынесены из недр звездолета. Гу Ци обошел остов корабля по кругу. Хотя повреждения были серьезными, приятным сюрпризом стало то, что внутренняя система ядра уцелела. Пусть она была старовата, но при должном ремонте и модернизации, учитывая прошлый опыт Гу Ци, он вполне мог заставить эту грудку металла снова подняться в воздух.

Безусловно, такой результат привел Гу Ци в восторг. Он сидел в объятиях пчелы, похлопывая по покрытому мхом корпусу звездолета, и на его губах играла улыбка, которую невозможно было сдержать.

Помимо этого, внутри корабля он нашел немало полезных в быту вещей: расползающееся полотенце, огромную куртку с обтрепанными краями, просроченные, но вполне пригодные в пищу питательные смеси, слегка заржавевший армейский нож и немного специй в герметичных контейнерах.

На обратном пути Гу Ци и сопровождавшие его низшие насекомые снова вернулись с богатой добычей. Он наконец-то смог придать вяленому мясу, развешанному у входа в пещеру, хоть какой-то вкус. По сравнению с тем, что им приходилось есть раньше, это мясо казалось невероятным деликатесом.

Значит, жизнь постепенно налаживается!

В это же время невидимая следящая пчела, спрятавшаяся в углу пещеры, транслировала происходящее Айвэй, а также связавшимся с ней Лусыэню и Ангесу.

На экране юная Мать Насекомых был одет в явно не подходящую по размеру широкую куртку, края рукавов и подола которой обтрепались — они едва заменяли накидку из листьев, рвавшуюся от любого прикосновения. В бледных пальцах он держал длинный кусочек вяленого мяса и медленно жевал, время от времени делая глоток воды, чтобы не поперхнуться.

Окружавшие его низшие насекомые тоже молча ели свою долю. В пещере стояла тишина, нарушаемая лишь звуками жевания и глотания — в точности как в первобытном обществе, причем в самой отсталой его форме.

Айвэй, сидевшая в кожаном кресле, почти не разжимала губ с того самого момента, как впервые увидела Мать. Она недовольно произнесла:

— Такие условия жизни для хрупкой Матери — это само по себе пытка!

Ни одна Мать после рождения не подвергалась столь суровым испытаниям окружающей среды! Неужели это зов крови и души, присущий их виду?

Лусыэнь отозвался:

— Ангес, посмотри внимательнее.

Айвэй нахмурилась еще сильнее, явно не соглашаясь, но не стала прямо выражать протест.

— Эта Мать вызывает у меня иные чувства... — она на мгновение задумалась и осторожно спросила: — У вас нет ощущения, что он кажется знакомым?

Лусыэнь Серебряный Панцирь равнодушно смотрел на трансляцию: от прядей волос до черт лица — смоляные, чуть длинноватые волосы, высокий лоб, изящные брови, прямой и плавный переход от переносицы, слегка покрасневшие губы. Это было незнакомое ему лицо. И все же... сквозь эту оболочку он тоже ощутил странное, едва уловимое дежавю.

Лусыэнь, также подключившийся к видеосвязи, хранил молчание.

— Знакомым? Потому что у него, как и у предыдущей Матери, черные волосы? — Ангес насмешливо усмехнулся. — Как вспомню ту тварь, хочется немедленно его придушить! Ну и кого же ты в нем узнала?

Однако три «давно», прозвучавшие в мыслях, не позволили Айвэй ухватиться за конкретную нить в своих воспоминаниях.

Айвэй тяжело вздохнула, ее грудь вздымалась, а темно-красные ногти непроизвольно впились в край брюк. Настроение было хуже некуда.

— Если бы только не то, что мы не можем его найти...

Ангес парировал:

— Чего мне бояться? Скорее, есть ли в этом мире хоть что-то, что может меня напугать?

Ангес осекся и, глядя в экран, опустил голову:

— Айвэй, прошу прощения.

Черт возьми, Мать Насекомых что, теперь выпускают только с черными волосами?

Ощущение сладости, словно от меда, должно было быть чем-то, что она сама пережила много лет назад.

Очевидно, что у этой новой Матери была приятная внешность, и этот плюс позволил Ангесу проявить немного терпения после того, как он «услышал» первые сердечные ритмы существа. Он небрежно усмехнулся:

— Тем лучше, не придется марать руки, он и сам сдохнет в глуши.

Айвэй выдохнула и пояснила:

— Не могу объяснить, но при первой же встрече с новорожденной Матерью возникло странное чувство узнавания, будто я видела его очень, очень давно.

— Что ты имеешь в виду под узнаванием? — внезапно нарушил гнетущую тишину Лусызнь.

— На что там смотреть? На Мать, которая вот-вот отправится на тот свет? — Ангес опустил уголки губ, раздражение так и рвалось наружу.

— Ты боишься что-то увидеть? — холодно бросила Айвэй.

Она спросила:

— Разве у вас нет такого чувства? — Дар Золотых Крыльев делал Айвэй более чувствительной к подобным вещам, поэтому ее интуиции можно было доверять.

— Ну что, разглядели что-нибудь? — Ангес, развалившись в кресле, нетерпеливо взъерошил волосы. С момента подключения он лишь мельком взглянул на Мать, и единственное, что он усвоил — этот новичок хорош собой и обладает такими же черными волосами, как и его предшественник.

Ангес лениво сдул упавшую на глаза прядь, его взгляд скользил по огромному экрану, задерживаясь на Мате, укутанном в огромную куртку.

— Нет! — резко возразила Айвэй. — Не смей упоминать его! Не только ты, я сама хочу его убить! Если бы не он, мой брат...

— Тогда почему ты не смотришь?

— Я боюсь, что меня стошнит от одного взгляда!

— Довольно! — Лусызнь, всегда занимавший позицию старшего, прервал назревающую ссору.

— Давайте подождем. Дождемся встречи и тогда примем решение.

С этими словами он отключил связь, оставив после себя лишь черный экран.

— Ха, ну тогда ждем встречи... В любом случае, у меня не будет ни капли жалости к такой твари. Если вы двое решите, что он вам знаком и не сможете поднять руку — предоставьте это мне, я сам с ним покончу! — язвительно бросил Ангес и тут же исчез из сети.

— Ты...

Айвэй закусила губу. Она смотрела на темный экран, а затем перевела взгляд на другой монитор, где продолжала отображаться Мать.

Черноволосый юноша на экране уже закончил обедать и теперь вертел в руках найденный в звездолете ржавый нож.

В этот момент Гу Ци не подозревал, что находится под наблюдением других представителей его вида. Он потер внезапно зачесавшуюся руку, огляделся по сторонам, и на секунду его черные блестящие зрачки встретились со взглядом Айвэй по ту сторону экрана — ей показалось, что она теряется в этом темном омуте.

Странное чувство...

Гу Ци пошарил в кармане куртки и достал природный кусок кварца, который подобрал по пути: это был конгломерат мелких кристаллов серо-коричневого цвета, отдельные грани которого поблескивали на солнце, напоминая горный хрусталь.

— Золотой, подай тот камень у своих ног.

В отличие от кварца, камень, который Гу Ци принял из передних лап пчелы, был темно-серым, тяжелым, холодным и твердым. Парой ударов он раздробил кварц в мелкую крошку. Смешав остатки воды с каменной пылью, он нанес эту кашицу на очищенную от коры толстую ветку.

Мелкие абразивные частицы прилипли к влажной древесине — получился импровизированный точильный брусок, который Гу Ци немедленно применил к своему старому, заржавевшему ножу.

Черноволосый юноша был увлечен процессом, низшие насекомые с интересом наблюдали за ним. А вот Айвэй, стоя на борту звездолета Золотых Крыльев в своей куртке «Аттила», чувствовала себя не в своей тарелке.

Как «Хранитель», проведенная рядом с предыдущей Матерью не один десяток лет, она прекрасно знала о его завышенных требованиях к уровню жизни: все должно было быть самым дорогим и редким. Конечно, активов насекомых хватало, чтобы обеспечить любые прихоти, но сейчас, сравнивая те воспоминания с тем, что она видела перед собой, Айвэй стало не по себе.

Когда-то их высшая каста оберегала редкую Мать, добровольно принося ей всё, а теперь, когда родилась новая, они обсуждают, как ее уничтожить.

Сделав глубокий вдох, Айвэй подавила хаос в мыслях и приказала подчиненным:

— Замаскируйте груз и отправьте припасы на планету №062. Будьте осторожны, не будьте слишком заметны, я не хочу, чтобы он узнал о нашем присутствии.

— Есть!

Этот приказ мгновенно оживил весь главный командный пункт. Те, кто делал вид, что занят работой, а на самом деле не сводил глаз с экрана, тут же принялись за дело, мечтая лично заняться подготовкой груза для Матери.

Айвэй с легкой досадой посмотрела на подчиненных, которые были готовы вот-вот завывать от восторга. Ее настроение, испорченное Ангесом, немного улучшилось. Она махнула рукой:

— Готовьте, что считаете нужным, главное — оставьте груз так, будто он оказался там случайно. Понятно?

— Слушаюсь, госпожа Айвэй!

Гу Ци, не подозревая, что о нем так заботятся, сжимал в руках отточенное лезвие. Хорошее настроение было написано на его лице. Стоявшие рядом низшие насекомые неотрывно смотрели на Мать, их реакция была точь-в-точь как у тех, кто наблюдал за ним через экраны — они не могли отвести взгляд ни на секунду.

Как раз когда Гу Ци приложил лезвие к пальцу, проверяя остроту, внезапно...

[Проклятая Мать!]

— Ссс!

Он перестал улыбаться. От внезапной вспышки ярости, промелькнувшей в голове, дрогнула рука, и острое лезвие полоснуло по кончику пальца, выступила капля крови.

Лицо Гу Ци помрачнело. Спустя несколько дней он снова почувствовал ту же злобу, холодную, как клинок, желание убить его. Он не сомневался: если бы этот представитель высшей касты стоял сейчас перед ним, он бы с удовольствием свернул ему шею и с наслаждением наблюдал, как он мучительно умирает.

Его предсмертные судороги, возможно, доставили бы тому огромное удовольствие.

Капля крови на пальце дрожала. Гу Ци инстинктивно хотел поднести палец ко рту, чтобы слизать ее, но пчела, стоявшая рядом, перехватила его руку.

— Что...

Пчела склонила свою огромную голову, и пушистый «воротник» прижался к животу Гу Ци, едва коснувшись мышц пресса и вызвав легкую дрожь. Она терлась большой головой о его тело, а клешнеобразные челюсти медленно и осторожно коснулись пальца юноши. Еще немного — и она бы взяла раненый палец в рот.

Гу Ци помедлил. Возможно, из доверия к Золотому он позволил пчеле действовать, не отстраняясь от челюстей, способных перекусить его руку.

В то же время насекомые на звездолете затаили дыхание, с напряжением наблюдая за этой сценой.

Айвэй сжала кулаки. Она знала, что низшие насекомые на уровне инстинктов никогда, ни при каких обстоятельствах не причинят вреда Матери, но огромная разница в размерах вызывала у нее беспокойство.

К счастью, ее опасения были напрасными. Гигантская пчела на экране лишь мягко взяла раненый палец Матери в рот, под челюстями, и начала медленно, осторожно и благоговейно слизывать кровь, словно верующий, стоящий на коленях у ног божества.

В этот момент Айвэй наконец выдохнула, услышав перешептывание подчиненных:

— Как же повезло этой низшей особи!

— Честно говоря, я тоже хочу прикоснуться к Матери... Я по образованию медик, мог бы перевязать рану Его Величества.

— Я хочу добавить в груз медикаменты, бинты. Если бы госпожа не запретила обнаруживать себя, я бы вообще вывез весь наш медпункт...

— А еда! Вы видели, что ест Его Величество? Никакой питательной ценности, нужно отправить ему все запасы питательных смесей!

— Я пойду поищу одежду, она должна быть лучше той рвани...

Возможно, для любого насекомого Мать — это объект тайного обожания.

<http://bllate.org/book/21239/2148744>